

- <sup>23</sup> ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1778. Л. 48.  
<sup>24</sup> Там же. Л. 48 об.  
<sup>25</sup> ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1780. Л. 74.  
<sup>26</sup> ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1778. Л. 83.  
<sup>27</sup> Там же. Л. 104–105.  
<sup>28</sup> РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1004. Л. 20.  
<sup>29</sup> ГА РФ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 117. Л. 177.  
<sup>30</sup> РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1004. Л. 28.  
<sup>31</sup> Там же. Л. 37.  
<sup>32</sup> ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1767. Л. 232.  
<sup>33</sup> Там же. Л. 253.  
<sup>34</sup> Там же. Л. 254  
<sup>35</sup> РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1004. Л. 218.  
<sup>36</sup> ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1770. Л. 11.  
<sup>37</sup> Там же. Л. 12.  
<sup>38</sup> ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1770. Л. 29.  
<sup>39</sup> Там же. Л. 31 об.  
<sup>40</sup> РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 921. Л. 268.  
<sup>41</sup> Там же. Л. 269.  
<sup>42</sup> Храмов С.С. Указ. соч. Ч. I. С. 247.  
<sup>43</sup> Там же. С. 228.  
<sup>44</sup> РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1086. Л. 171.  
<sup>45</sup> РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1229. Л. 34.  
<sup>46</sup> Там же. Л. 35.  
<sup>47</sup> ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 121. Л. 182.  
<sup>48</sup> Там же. Л. 183.  
<sup>49</sup> Там же. Л. 184.  
<sup>50</sup> ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 3282. Л. 1.  
<sup>51</sup> ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 3. Д. 77. Л. 54; Д. 3282. Л. 3.

*С.В. Богданов*

## **СПЕКУЛЯЦИЯ В СССР В 1945–1953 гг.: ПРИЧИНЫ, МАСШТАБЫ, ОСОБЕННОСТИ**

Спекуляция – явление, оказавшееся неистребимым на протяжении всей советской истории. Несмотря ни на какие карательные меры этот вид противозаконной деятельности устойчиво воспроизводился и приспособлялся к переменам экономической политики коммунистической партии. Так, в годы первых пятилеток хронический дефицит продовольствия и товаров в государственной торговле, накопление большой денежной массы некоторыми группами населения, организация «закрытой» торговли для «номенклатуры» благоприятствовали распространению «блата», взяток, спекуляции.

В годы Великой Отечественной войны советское правительство вынуждено было предоставить больше свободы частной торговле на «колхозных рынках». Под прикрытием базаров и стихийных «барахолок» стали пышно процветать хищения, мошенничество, спекуляция. Нехватка товаров первой необходимости, перебои в снабжении подстегнули злоупотребления в торговле и общественном питании, активность спекулянтов. Широкое распространение получили хищения государственной собственности, взяточничество, махинации должностных лиц с продовольственными карточками в тылу, злоупотребления с материальными и финансовыми ресурсами в армии.

В 1943 г. в Наркомат финансов со всех концов страны начали поступать письма граждан о накоплении больших денежных сумм на руках отдельных лиц. Основным способом получения их называлась спекуляция. Авторы писем предлагали конфисковать эти «нечестно заработанные на народной нужде» деньги<sup>1</sup>.

Однако, не смотря на жесткие карательные меры, спекуляция продолжала шириться. К концу войны усилилась профессионализация преступных групп, занимавшихся хищениями государственной собственности, спекулятивными операциями, скупкой золота и драгоценностей, организацией нелегального производства. После победы, в 1945–1947 гг., резко возросло число уголовных преступлений. В 1946 г. органами внутренних дел было зарегистрировано 1 014 274 преступлений – на 20 % больше, чем в 1945 г. В 1947 г. их оказалось уже 1 234 377 (прирост относительно 1945 г. – более 46 %). Среди прочих росло число убийств и разбойных нападений с применением оружия<sup>2</sup>. Государство предприняло масштабные усилия по противодействию уголовной преступности. Уже к концу 1947 г. удалось сбить вал убийств и грабежей. Однако спекуляцию, вообще хозяйственную преступность, продолжали питать перебои в снабжении и хронический «товарный голод».

Советские граждане в письмах руководителям партии и правительства по-прежнему возмущались хищениями государственной собственности и спекуляцией. Так, в одном из писем на имя И.В. Сталина (март 1947 г.) задавались риторические вопросы: «Почему Правительство не вынесет закона о более суровом наказании лиц, занимающихся квартирными кражами и грабежами, спекуляцией? Почему на глазах у милиции воры и хулиганы, нигде не работающие, пьянствуют, а милиция не находит воров?»<sup>3</sup>.

Недовольство слабой, по мнению рабочих, борьбой со спекулянтами фиксировалось в многочисленных сводках партийных органов. Так, в информации Новосибирского обкома ВКП(б) от 29 мая 1948 г. «О политических настроениях населения Новосибирской области» отмечалось: трудящиеся часто выражают справедливое возмущение слабой борьбой милиции, судов и прокуратуры со спекуляцией. На рынке можно купить все необходимые продукты и промтовары, но цены на них в три раза выше, чем в магазинах. Во многих первичных партийных организациях рабочие и служащие спрашивают, почему спекулянтов не судят показательным судом, с широким освещением приговоров в печати и на рабочих собраниях<sup>4</sup>.

В 1949 г. по всей стране люди спрашивали докладчиков и агитаторов от партийных организаций, почему милиция так плохо борется со спекулянтами<sup>5</sup>.

Спекуляция стала характерной чертой повседневной жизни советских городов и сельской местности в первые послевоенные годы. Милицейские сводки с мест фиксировали постоянный ее рост. И борьба с ней велась все активнее. Так, в 3-м квартале 1946 г. правоохранительными органами Ленинграда и Ленинградской области было возбуждено 100 дел о спекуляции, а в 4-м квартале – уже 236. То есть за 2-е полугодие 1946 г. – 336 дел. А в 1-м полугодии 1947 г. этот показатель составил уже 480 дел<sup>6</sup>.

Острая нехватка продуктов питания создавала питательную почву для махинаций с продуктовыми карточками. Пользуясь слабым контролем со стороны руководителей предприятий, учреждений и домоуправлений, карточных и контрольно-учетных бюро, уполномоченных по выдаче карточек, отдельные должностные лица совершали различные правонарушения с карточками. Иногда руководители этих самых организаций включали в списки на получение карточек вымышленных лиц, получали на них карточки и сбывали их на рынках. Или «отваривали» в магазинах, а затем спекулировали продуктами. Для наведения порядка и усиления контроля за выдачей карточек партийные органы совместно с милицией проводили многочисленные проверки<sup>7</sup>. Только в Ленинграде за один месяц, октябрь, 1946 г. за перепродажу продовольственных карточек органами внутренних дел было задержано 2 387 граждан<sup>8</sup>.

МВД активизировало борьбу со спекуляцией и в других регионах страны. За октябрь–декабрь 1946 г. на рынках страны за куплю и продажу карточек было задержано 66 793 человека. Из них 10 063 были привлечены к уголовной ответственности: у них было изъято карточек и талонов на хлеб и другие продукты – 424 566 (в переводе на хлебопродукты – 4 952 т), карточек и талонов на питание – 126 146, карточек и талонов на промтовары – 330 940, а также 5 109 316 руб. наличных денег и ценностей на 2 952 365 руб. Кроме того, милиция повсюду фиксировала широкое распространение изготовления и сбыта фальшивых карточек<sup>9</sup>.

Хищения государственного, общественного имущества и спекуляция шли рука об руку. Засуха 1946 г. усугубила тяжелое положение в стране, и эти виды преступлений росли стремительно: на 42,4 % и на 56,8 % соответственно в 1947 г. по отношению к 1945 г.<sup>10</sup> С 1945 по 1948 гг. число преступлений, связанных со спекуляцией, возросло на 59,3 %<sup>11</sup>.

Спекуляцию подстегивала существенная разница между ценами на товары в государственной торговле и на «колхозных рынках». Запрет на торговлю хлебом неизбежно порождал взлет цен на колхозных рынках. Одни «спекулятивные элементы» входили в сговор с руководителями колхозов и сбывали колхозную продукцию при помощи ловких схем. Другие скупали по дешевке зерно и муку у колхозников, нуждающихся в деньгах для уплаты налогов, и из относительно благополучных районов вывозили на продажу в голодные местности. Предметом спекуляции часто становились товары, похищенные или полученные за взятки из государственных или кооперативных учреждений и предприятий. Наиболее

распространенными видами спекуляции были скупка и сбыт сельскохозяйственной продукции и промтоваров, скупка и перепродажа скота, мелкая спекуляция на рынках, скупка зерна или муки с последующей выпечкой хлеба и реализацией его по спекулятивным ценам на рынках<sup>12</sup>.

Для советской социальной иерархии стало закономерным: достаток человека в значительной мере определялся его близостью к дефицитным товарам, их распределению. В городах, ни в годы войны, ни по ее окончании, продавцы магазинов, работники отделов рабочего снабжения (ОРСов), рабочие хлебозаводов не голодали. Именно эти категории населения часто попадали в поле зрения Отделов по борьбе с хищениями социалистической собственности (ОБХСС): используя замаскированные способы и схемы изъятия из государственной торговли продовольственных и промышленных товаров, они поставляли их перекупщикам. Среди фигурантов уголовных дел о хищениях и спекуляции часто были работники предприятий пищевой промышленности. Распространение такого рода преступлений наносило удар по государственной торговле и карточной системе снабжения населения, подрывало принцип социальной справедливости. Приказ министра пищевой промышленности СССР В.П. Зотова «Об усилении борьбы со спекуляцией» от 24 сентября 1946 г. не возымел должного действия. Кражи продуктов питания с предприятий отрасли не прекратились. Для решительного перелома ситуации с хищениями продуктов питания с хлебозаводов и других предприятий пищевой промышленности требовалось более активное вмешательство МВД<sup>13</sup>.

Воровство хлеба в крупных размерах преимущественно совершалось в целях спекуляции. Кражи совершались при транспортировке с хлебозаводов в торговые точки, а также продавцами магазинов. Так, 13 ноября 1946 г. рабочие хлебозавода № 10 Выборгского района Ленинграда при развозке хлеба в магазины похитили 128 буханок хлеба, которые продали по 25 руб. При второй поездке в тот же день украли еще 12 буханок, с которыми и были задержаны<sup>14</sup>.

Спекулянты проникали во «встречную» государственную торговлю на селе. Подпольные торговцы, обзаведясь поддельными документами о заключении с колхозами договоров, открывали в городах на «колхозных рынках» свои палатки, нанимали продавцов и таким путем сбывали колхозную продукцию. На вырученные деньги закупали промтовары, с которыми выезжали в села для продажи их местным жителям. В течение августа 1946 г. в Кирове, Свердловске, Симферополе, Сталинграде, Чкалове (Оренбурге) сотрудниками МВД были арестованы и привлечены к уголовной ответственности более 15 человек, занимавшихся скупкой зерна в колхозах и продажей его в городах и райцентрах по высоким ценам. При задержании у них было изъято около 10 т зерна и 128 тыс. руб.<sup>15</sup>

В стихийную торговлю, многочисленные спекулятивные сделки были вовлечены самые разнообразные слои населения. В том числе и дети.

В справке прокурора группы по делам несовершеннолетних при Генеральном прокуроре СССР младшего советника юстиции Преображенской о состоянии детской безнадзорности в Москве отмечалось, что во 2-м полугодии 1945 г.

за торговлю было задержано 9 146 несовершеннолетних, что составило чуть более трети от всех задержанных за различные правонарушения детей.

«На центральном рынке (Коминтерновский район) ежедневно значительное количество детей 13–15 лет, преимущественно девочки, торгуют дрожжами, конфетами. Они выстраиваются открыто в ряд у входа в рынок, на перебой предлагают свой товар покупателям. На задаваемые мною вопросы некоторым из них, что их заставляет торговать, они или отделяются молчанием, или чаще всего, отвечают грубо, что это не мое, что им больше знать, чем заниматься.

Сложилось впечатление, что эти подростки пришли на рынок не случайно, они постоянные его обитатели, умеют себя в этой обстановке держать, словом, это «дело» им вошло в привычку. Одних и тех же девочек с продажей дрожжей я замечала здесь неоднократно. Встречались и такие факты: с дрожжами девочка, а за ней стоит женщина и только принимает деньги от покупателей. Назвать свою фамилию девочка и женщина отказались.

На этом же рынке много ребят с продажей старых учебников, тетрадей, открыток и разных канцелярских принадлежностей. Здесь немало и детей-покупателей. Торговля среди детей идет полным ходом.

Мелькают подростки-мальчики лет 15–16, и иной раз и 10–11 лет. У самого входа на рынок – на улице. Они скупают пачками папиросы (для продажи поштучно). Тут же рядом ходят дети и предлагают по спекулятивным ценам билеты в цирк.

Характерно, что место торговли не ограничивается территорией рынка. Близ прилегающие кварталы также превращены в места торга, где также обращают на себя внимание дети, продающие хлеб, папиросы, мыло.

Поражает своей массовостью торговля среди детей в крупных булочных города. В дверях любой булочной Свердловского р-на вас первым делом встречают подростки с вопросом: «Нет ли продажных талонов?»...

Позорным пятном для столицы выглядит квартал центра города у кинотеатра «Метрополь». Здесь в любое время дня и до позднего вечера подростки перепродают билеты. Купленные за 3 руб. билеты продаются по 15–20 руб. Все это делается очень ловко, но заметно...

На улицах города и площадях (гл. образом у вокзалов) можно также наблюдать картины, когда подростки из-под полы в буквальном смысле этого слова, а иной раз открыто, продают или хлеб, или папиросы<sup>16</sup>.

В качестве продавцов часто использовались нуждавшиеся женщины. Многие из них ранее привлекались к уголовной ответственности. Так, в Сталинграде была арестована нигде не работавшая Уразова. Проживая в Баку, она скупала там муку по 400–500 руб. за пуд и продавала ее в Сталинграде по 900–1 000 руб. за пуд. В Кирове мать и дочь Аникины скупали муку у колхозников в различных районах области и продавали ее на рынке. Всего ими было куплено и продано свыше 2 т муки<sup>17</sup>.

По данным органов внутренних дел, только за 1-й квартал 1947 г. за спекуляцию в СССР на скамье подсудимых оказалось 17 784 человека, были выявлены 2 932 преступные спекулятивные группы. У привлеченных к ответственности

ти спекулянтов во время оперативных действий было изъято 19 441 642 руб. наличными, 23 743 руб. золотыми монетами царской чеканки, 4 094 г золота в слитках, 325 тонн продуктов и промтоваров на сумму 15 334 014 руб.<sup>18</sup>

20–30 % привлеченных за спекуляцию составляли работающие. Из них 60–80 % являлись работниками торговли, должностными лицами, военнослужащими, низкооплачиваемыми рабочими и служащими, а также лицами, отправленными в командировку в другой город<sup>19</sup>.

Спекуляция как вид преступных посягательств на интересы государства в сфере экономики постоянно модифицировался. Так, после отмены карточек спекуляция приняла более конспиративный характер. Выходя на рынок, спекулянты имели при себе лишь образцы товаров, а занимались продажей на своих квартирах или через третьих лиц. Крупные дельцы использовали кооперативную торговую сеть, комиссионные магазины, через которые по предварительному сговору с продавцами сбывали дефицитные товары<sup>20</sup>.

Даже в рамках государственной экономики рыночные механизмы спроса и предложения продолжали, пусть и ограничено, но действовать. Спекулятивный рынок являлся самым чутким барометром покупательских запросов и предпочтений, индикатором государственной политики в этой сфере.

Так, в 1-м полугодии 1947 г. в связи с ростом рыночных цен на продовольствие и некоторым снижением цен на промтовары наблюдался поток спекулянтов из городов в сельскохозяйственные районы и обратно. А уже во 2-м полугодии, когда в некоторых городах стали дополнительно открываться коммерческие универмаги, спекуляция промтоварами стала сокращаться. В июле и августе, в связи с приближением начала школьных занятий, увеличилась спекуляция школьными принадлежностями, чему способствовала выдача их рабочим некоторых предприятий в качестве премий, материальной помощи и даже зарплаты<sup>21</sup>.

В декабре 1947 г. в СССР была отменена карточная система. Это подорвало базу широкой спекуляции, но не ликвидировало ее полностью. Практически повсеместно задерживались скупщики хлеба, сахара, риса, камней для зажигалок, галош и других дефицитных товаров. Денежную реформу 1947 г. спекулянты использовали для извлечения «нетрудовых доходов» за счет разницы цен на дефицитные товары до и после отмены карточной системы. Основным методом заключался в сокрытии товаров для их последующей реализации по новым ценам. А также внесение крупных сумм в деньгах старого образца за изымаемые товары с целью перепродажи партий товаров после проведения реформы на деньги нового образца. Так, заведующий магазином и заведующий складом в Зугдиди внесли в кассу магазина 230 560 руб. в деньгах старого образца, предварительно изъяв из магазина товары на эту сумму<sup>22</sup>.

5 марта 1954 г. председателю Совета Министров СССР Г.М. Маленкову была направлена докладная записка Центрального статистического управления СССР об итогах обследования бюджетов рабочих, служащих и колхозников за 1953 г. Составлена она была очень обстоятельно и содержала объективную информацию. Согласно записке, у отдельных граждан, в том числе у перекупщиков-спекулянтов, семьями рабочих и колхозников покупалась готовая одежда.

шерстяные, шелковые и хлопчатобумажные ткани, белье, мужская, женская и детская кожаная обувь, резиновые и валенные сапоги и другие товары. Покупка у них промтоваров производилась по ценам, значительно превышающим государственные розничные цены. Основными причинами покупки промтоваров у спекулянтов были названы: недостаток в магазинах государственной и кооперативной торговли товаров, пользующихся наибольшим спросом, несвоевременный завоз сезонных товаров в магазины, неудовлетворительный ассортимент продаваемых в магазинах товаров, недостаток государственных комиссионных магазинов в городах и неудовлетворительная их работа. Недостаточная сеть мастерских бытового обслуживания, высокие расценки, а в ряде случаев низкое качество выполняемых работ и длительные сроки выполнения заказов, привели к тому, что семьи рабочих и колхозников вынуждены были обращаться к услугам отдельных граждан по пошиву и ремонту одежды и обуви<sup>23</sup>.

Таким образом, власть, не называя вскрываемые ею явления тем, что позже будет названо «теневой» экономикой, признавала наличие в советском обществе выходящих за рамки контролируемых государством экономических отношений между гражданами. Советское государство оказалось не в состоянии окончательно справиться со спекуляцией в послевоенный период. Это означало то, что в советской экономической модели существовали элементы, которые не дополняли, не обогащали планоцентрированную экономику, а способствовали ее постепенному упадку и деградации.

## Примечания

<sup>1</sup> РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 36. Д. 2273. Л. 109–110.

<sup>2</sup> ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 497. Л. 344–347.

<sup>3</sup> РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 872. Л. 93об.

<sup>4</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 306. Л. 25–27.

<sup>5</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 114. Л. 63–65.

<sup>6</sup> Отдел специальных фондов Информационного центра Главного управления внутренних дел г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области (ОСФ ИЦ ГУВД СПб и ЛО). Ф. 1. Д. 16. Л. 1; Д. 17. Л. 13; Д. 18. Л. 2; Д. 19. Л. 2.

<sup>7</sup> ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 95. Л. 54.

<sup>8</sup> ОСФ ИЦ ГУВД СПб и ЛО. Ф. 1. Д. 135. Л. 236.

<sup>9</sup> ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 95. Л. 54.

<sup>10</sup> ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 497. Л. 344–347.

<sup>11</sup> ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 98.

<sup>12</sup> ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 98. Л. 54.

<sup>13</sup> РГАЭ. Ф. 8543. Оп. 12. Д. 281. Л. 109.

<sup>14</sup> ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3890. Л. 144.

<sup>15</sup> ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 171. Л. 125.

<sup>16</sup> ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 2322. Л. 17–25.

<sup>17</sup> ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 171. Л. 128.

<sup>18</sup> Москва послевоенная, 1945–1947 гг. М., 2000. С. 476.

<sup>19</sup> ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 98. Л. 54.

<sup>20</sup> ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 200. Л. 129.

<sup>21</sup> ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 98. Л. 54.

<sup>22</sup> ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 344.

<sup>23</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 1768. Л. 177–203.